

Алексей Тарханов

До востребования,
Париж

русский **иностранец**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Алексей Юлианович Тарханов

До востребования, Париж

Серия «Русский иностранец»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66472168

До востребования, Париж: АСТ. Редакция Елены Шубиной; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-139415-8

Аннотация

Алексей Тарханов – журналист, архитектор, художественный критик, собственный корреспондент ИД «Коммерсантъ» во Франции. Вместе с автором мы увидим сегодняшний Париж – зимой и летом, на параде, на карантине, во время забастовок, в дни праздников и в дни трагедий. Поговорим о еде и вине, об искусстве, о моде, ее мифах и создателях из Louis Vuitton, Dior, Hermès. Услышим голоса тех, кто навсегда влюбился в Париж: Шарля Азнавура, Шарлотты Генсбур, Zaz, Пьера Кардена, Адель Экзаркопулос, Ренаты Литвиновой, Евы Грин.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Мой Париж	5
Увидеть Париж и умереть	8
Холодный прием	11
Путь к теплу через прописку	14
Бюрократия с мороза́	16
Москва – Париж	19
Парижские люди́	21
Парижанка в естественной среде обитания	23
Задница в штанах	28
С видами на квартиру	33
Старина антиквар	39
Адель после «Адели»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Тарханов

До востребования, Париж

«Редакция Елены Шубиной» благодарит компанию *Louis Vuitton* за поддержку в издании этой книги

- © Тарханов А.Ю.
- © ИД Коммерсантъ
- © Condé Nast
- © Forbes Russia
- © InStyle
- © Иммедиа
- © Robb Report
- © Эрмитаж
- © Buro 24/7
- © ООО «Издательство АСТ»

Мой Париж

#парижскийадрес #парижскиевремена

В Париже я бываю почти каждый день.

Случаются моменты, конечно, когда работа заедает. Нет никакой возможности даже высунуть нос на улицу.

Дело в том, что я здесь работаю журналистом.

Статьи образуются неожиданно. Проснешься с утра, а надо писать. Очень мешают террористы. Они вечно не вовремя со своими дикими выходками. Или политические инициативы. Или разные культурные фейерверки. Или демонстрации по субботам.

Но всегда есть возможность открыть дверь, спуститься по лестнице. Два этажа бегом.

А там Париж.

Я к этому так до конца и не привык, хотя живу здесь аж с 2012 года.

До этого я, конечно, приезжал во Францию не раз, упражнялся во французском, гулял, смотрел, ел, пил, слушал фонтаны, но каждый раз мой путь был таким: Тверская, потом Ленинградка, такси, пробка, спешка, зеленый коридор, пристегнуть ремни и открыть шторы иллюминатора, опять от-

крыть, опять пристегнуть.

Потом еще один зеленый коридор, опять такси, пробка, спешка, отель уже в сумерках и наконец-то возможность выйти на улицу и вдохнуть парижский воздух. Тот самый, который в моем детстве привозили в сувенирных баночках *Air de Paris*.

А тут прямо сразу. За окном.

Во времена перестройки мы забавлялись фильмом «Окно в Париж». Режиссер Юрий Мамин снял кино про то, как изредка в питерской коммуналке открывалось окошко, через которую можно было выйти на парижскую крышу.

Ловко закрутил – думал я тогда. Хорошая история. Фантастика. Очень смешно. Понятно же, что никогда ни один советский человек не пролезет в Европу ни через какое окно. Ни через игольное ушко даже.

Он пойдет в соответствующие органы, подаст бумаги, ему сделают паспорт, поставят визу на выезд, потом он выпросит визу на въезд, потом он выстоит очередь за билетами в агентстве «Аэрофлота» напротив «Парка Культуры». Обменяет валюту – 30 рублей в капстрану. И поедет себе на здоровье.

Но вот так прямо открыть окно и выйти – не смешите.

Оказалось, сказка – ложь, да в ней намек. Не представлял, что вдруг настанет момент, когда это окошко откроется и для меня. И даже не окошко. Целая дверь. Парадное! А там – Париж. Немыслимо.

Я бы понял, если бы у меня в парадном сидел человек в зеленой фуражке. Выходишь из дома, тебе корректный вопрос: «Цель поездки?»

– Личная. За хлебом.

– Проходите!

Увидеть Париж и умереть

#парижскийадрес

Если мне грустно, я выглядываю в окно и думаю: «Там – Париж. Мой Париж».

Вы, наверно, думаете, что я совсем дурачок? Дался мне этот Париж?

Есть богатый Лондон, там все намазано взбитыми сливками с файф-о-клока. Есть Нью-Йорк, оу-вау-Нью-Йорк, где все так и пышет энергией! Только приезжаешь, и сразу энергия, как будто бы тебя подкручивают динамкой. И прямо прет, так и прет.

А Париж? Стар, неопрятен, хамоват, демократичен.

Конечно, я дурачок, но не совсем.

Мне много раз объяснили, что ни во что нельзя влюбляться. И ни в кого.

Стоит влюбиться в женщину, как она уже сидит у тебя в доме и порицает твои порядки.

Стоит влюбиться в квартиру, как нахлынут водопроводные воды, грянет ремонт, выскочат налоги с коммуналками, зачем тебе связываться с недвижимостью, надо снимать жилье и быть как ветер, что ты зациклился на этом Париже, вот

сколько неудачного в нём.

Есть неудачное, не спору. Про это я тоже расскажу.

Когда много лет назад я сочинял путеводитель по Парижу, я выписывал разные умные слова про страсть к этому городу. «Париж стоит мессы». Или вот, только послушайте. «Увидеть Париж и умереть».

Красиво!

У меня случилось всё наоборот.

Сначала как раз я. Я умер. В мозгу моем что-то хлопнуло, лопнуло, в нём неожиданно оказалась кровь, я стал заговариваться, на меня посмотрели с ужасом и отправили на хирургический стол.

Все это я помню смутно, но, когда я ожил, а я таки ожил, я выглядел как персонаж модного тогда фильма «Аватар»: из моей головы тянулись трубочки, по которым из мозга выкачивали всякое ненужное дерьмо, сложные, лишние мысли. Мне сразу стало легче.

Потом ко мне зачастили психологи, которые показывали мне картинки про жирафа, задавали простые задачи и просили что-то сосчитать. Считать я еще в школе не умел, но жирафа знал, мне было лучше, мне было уже не хуже.

Жена звонила мне из Нью-Йорка, где она находилась в важной служебной командировке. Она плакала и говорила: «Держись! Ты только держись. Теперь все будет по-другому». Она сама даже не знала, как была права. Всё стало по-другому. Мы развелись. Я живу в Париже, она в Лондоне. И

я держусь.

Холодный прием

#парижскийадрес #парижскиевремена

Самое удивительное было в том, как просто оказалось переехать в Париж. В Москве всё прошло очень легко.

Меня знали в посольстве: есть такой восторженный чувак, любит Францию, хочет туда журналистом. Бог с ним, да пускай едет! Крым тогда еще был не наш, и относились к нам по-другому.

Совсем оказалось несложно. Москва меня отпустила, Париж меня принял, и все мое как-то уместилось в одном чемодане.

Я приехал под Новый год. Это, значит, зима.

– Ну какая зима в Париже! – фыркнете вы мне.

Так вот, не фыркайте. Чтобы я не испытывал ностальгии, мне включили настоящую зиму. Не обычную парижскую – которая, конечно, леденцовая, тут вы правы.

Я приехал в дикий холод. Старожилы не припомнят. Минус семь на улице, плюс пятнадцать в спальне. Я вспоминал, что именно при такой температуре выдерживал Николай I маленьких Александра с Константином в детских комнатах в Царском Селе, и проникался ненавистью к самодер-

жавию.

Говоря про минус семь, я вовсе не смеюсь над парижанами – «горя они не знают». Просто минус семь в Париже – это даже не минус двадцать в Москве. Это, считай, под сорок. Полюс холода. Вечная мерзлота.

Здесь не привыкли к морозам, потому что они приходят настолько редко, что их можно не учитывать, как ничтожно малую погрешность. Но уж когда они приходят, горько вспоминаются и одно стекло в оконной раме, и слабые батареи, и привычка ходить по улицам без шапок.

И океан в двух часах, близостью которого раньше можно было только гордиться, теперь наполняет Париж гадкой ледяной сыростью.

Я был счастлив тем, что захватил с собой московскую, почти полярную парку, и первое время ходил в ней: плотно застегнувшись – на улице, нараспашку – в доме. Парижане же сначала относились к холоду наплевательски и, весело хохоча, выбегали на улицу в расстегнутом пальтишке и размотанном шарфике. Я лично пытался остановить безумца, который вел по лестнице ребенка в школу. Куда пошел расстегнутый, запахнись!

– Странно, – сказал мне сосед, удивившись моей горячности, – вы же, кажется, русский, вам ли бояться холода?

– Вы считаете, месье, что мы, русские, не боимся холода? Это совершенно не так! Мы, русские, не боимся жары. Мы считаем, что комната должна быть нагрета докрасна, и тогда

нам наплевать, что там на улице. Невыносима ведь не температура на мостовой сама по себе, а отсутствие разницы между улицей и домом.

Что такое мороз для французов? В конце концов, вам надо, стиснув зубы, продержаться две холодные недели, а там весна вознаградит вас сполна. Мы же, погруженные в зиму на полгода, не можем ждать помилования во глубине сибирских руд. Мы можем только яростно бороться, согреваясь снаружи и изнутри.

Мы никогда не шутим с морозом, потому что знаем, как он лют! Мы уважаем его как нашего главного генерала, героя отечественной войны, и не одной. Врагов мы не просто уничтожаем, мы их вымораживаем, как вшей.

А вот сейчас выморозить пытались меня.

Путь к теплу через прописку

#парижскийадрес #парижскиевремена

Отсиживаться дома я не мог. Моя виза действовала три месяца, и за эти три месяца Французская республика должна была решить, достоин ли я дальше мерзнуть в ее объятиях.

Сначала следовало прописаться в моей квартире.

Нам в Москве говорили, что «прописки в цивилизованных странах нет». Я помню. Как бы не так! Просто в Париже это происходит вовсе не в полиции. А в коммунальных службах. В так называемой *EDF* – национальной электрической компании.

Главное доказательство, что ты проживаешь по указанному адресу, это справка электриков о том, что ты там платишь за свет. Мысль о том, что ты можешь платить за свет сразу в двух квартирах, кажется абсурдной и не рассматривается.

Контора *EDF* в морозы была переполнена, как московская сберкасса в дни выдачи пенсии. Дело в том, что большинство квартир в центре обогреваются электрическими радиаторами, и мороз выгнал из нор злостных неплательщиков. Все, кто с лета откладывал свой визит к электрикам, встали в срочную очередь. Так бегут к ночному зубному люди,

прежде надеявшиеся, что пломба сама как-нибудь вернется на место.

Чтобы открыть счет в *EDF*, надо иметь счет в банке. Чтобы открыть счет в банке, надо иметь счет в *EDF*. Логически эта головоломка не решается, никак. Практически – да.

Кто-то первый из операционисток верит вам на слово:

– Принесете счет, как только? Обещаете?

– Гадом буду!

К вечеру мне подключили свет, радиаторы заработали, и в абсолютных рекордах потребления электричества, которые ставила в эти дни Франция, была отныне и моя доля.

Отовсюду приходили тревожные известия. Враг наступал – вымерзли посевы салата, страшный урон понесли артишоки. Ночью в пригороде человек, решивший свести счета с жизнью, прыгнул в пруд с моста, но пруд замерз. Лед выдержал, счета не свелись. Это была единственная хорошая новость в последнем выпуске по *TV*.

Утром следующего дня я открыл счет в банке, автоматические двери которого замерзли от холода и не открывались. Надо было идти дальше – в министерство иностранных дел на аккредитацию. А уже оттуда мне предстоял рывок в полицию, в префектуру – вместе с другими понаехавшими, чтобы получить «титр де сежур» – разрешение и дальше согревать Париж своим человеческим теплом.

Бюрократия с мороза́

#парижскийадрес #парижскиевремена́

Раньше документы подавали сразу чуть ли ни напротив Нотр-Дама, в здании главной парижской префектуры. Но в год моего приезда пункт первоначального приема чертовых иностранцев был перенесен подальше, за Триумфальную арку. В эту общую контору, куда отправляются все понаехавшие из всех парижских районов, я пришел морозным утром и встал в бесконечную очередь, черную на белом снегу.

В дни моей юности я видел такую перед мавзолеем на Красной площади и другую напротив – в ГУМ.

Когда я увидел, что у двери пишутся списки, я окончательно почувствовал себя как дома, в юности. Пропускали только по списку. Доброволец с бумажкой бойко выкликал имена: «Синдих! Али! Нджайе! Мбаке! Ашраф!»

Всерьез он запнулся только на моей фамилии.

Картина напоминала иммиграционный пункт инопланетян из «Людей в черном». Понаехавшие – всех цветов кожи, всех размеров, с губами и черепами всех форм, говорящие со всевозможными акцентами – окружали меня, как инсталляция в этнографическом музее, и я чувствовал себя таким

же инопланетянином. Совершеннейшим чужаком, хоть и белым, и седым. Вдвойне чужаком – чуждым и французским полицейским, и очереди.

Люди, стиснув зубы, топтались на морозе, ожидая, когда их пропустят через рамку посидеть на стульях. Мне было жалко уроженцев юга – в очереди не было ни одного эскимоса, а вот им-то погода вполне бы подошла.

Три слова витали в морозном воздухе: «титр», «ресеписе», «рандеву». Титр – вожделенное разрешение, ресеписе – временное разрешение, а рандеву – то, посредством чего добывается и первое и второе. То есть прием у инспектора. Путь ко всему тогда был один – очередь. Теперь – неработающие сайты в интернете. Даже не скажу, что хуже.

Мне не приходилось в длинной жизни стоять ни в одной приятной очереди, но в этой, довольно противной и холодной, не было ничего оскорбительного. Нас держали не для того, чтобы унижить, но для того, чтобы, как ни странно, помочь.

Мне повезло. В тот день многие остались дрожать дома у печек, и народа было меньше, чем обычно. Через каких-то полдня с ресеписе в кармане я вышел обратно на мороз и двинулся домой по проспекту Великой Армии.

Начинается он там, где кончаются Елисейские Поля – у Триумфальной арки. Это широкий проспект с боковыми улицами наподобие московского Комсомольского или питерского Московского и такой же ветреный в холодное вре-

мя года.

Он назван в честь Великой армии – шестисоттысячного войска Наполеона, отправившегося в Россию испытывать нашу зиму.

На фризе Триумфальной арки размещены названия мест, где великая армия одержала великие победы. Со стороны проспекта есть и надпись «Москва». Уже двести лет спорят, какая армия там победила, но возвращение из Москвы в Париж, несомненно, относится к самым ужасным страницам французской военной истории.

Сейчас по стопам Великой армии в город входил сибирский антициклон и гнал перед собой прохожих, закутанных, как на картине Прянишникова «Французы в 1812 году».

Москва – Париж

#парижскиевремена

Французы вскоре прознали, откуда сей колотун, мощный антициклон, атаковавший Европу. Это был мой соотечественник. Гость с северо-востока. По имени «Москва – Париж». Нет, это название больше не ассоциируется с названием знаменитой выставки 1980-х в Центре Помпиду и Пушкинском музее (если бы мы только знали тогда про ветер на афише!). Это холодный фронт, который раз в два-три года налетает на Францию. О нем на третий день, когда колотун просто достал, заговорили все французские телеканалы.

Девушки у метеорологической доски делали страшные жесты, показывая, как пробирает их до костей этот ужасный сибирский мороз.

Картинки, которые показывали в телевизионных прогнозах погоды, напоминали карты военной операции, в которой «синие» из Сибири, как танковые армии СССР, легко проникают вглубь Европы, не встречая на своем пути никакого сопротивления. В общем, наблюдалось начало международной истерии, холодной войны, не придуманной, а подлинной. Леденящая рука Кремля тянулась к Эйфелевой башне.

Департамент за департаментом объявляли о введении в действие плана «Большой холод» (*Grand Froid*).

Тут я снижу пафос, чтобы не слишком пугать. Что такое «Большой холод» по-французски? Это когда минусовые температуры ожидаются, о ужас, даже и в дневные часы. Тем не менее метеорологи не поддавались унынию и пообещали, что, несмотря на холод, дни будут ясными и солнечными. И призывали французов не бояться следующего этапа – так называемого *Froid Extreme*. План «Лютый холод» не вводился в действие во Франции с февраля 1956 года, когда тоже пришедшие из России морозы остановили течение Сены.

Вечером, когда я включил телевизор и стал греться обретенным электричеством и купленным вином, пришло облегчение. Синоптики из *Meteo* сообщили, что парижанам идет на помощь атлантический циклон и надо только ночь простоять и день продержаться.

Утром термометр заплясал за окном от радости, температура шла в плюс, снег таял, закапал дождь. Великая армия была спасена, и я вместе с ней.

Парижские люди́

#парижскиевремена #парижскиелюди́

Я слышал от некоторых многих моих соотечественников, что Париж был бы прекрасен, кабы не мешали парижане.

В моем Париже живет всего 2,2 миллиона человек. Утром в метро кажется, что все 40 миллионов, а летним воскресеньем гуляешь просто-таки в пустыне.

Меня все время спрашивают, завел ли я знакомства. И если завел, то с кем. Но мне кажется, что Париж – это вам не сайт знакомств. Чтобы с кем-то из парижан познакомиться, нужен веский повод.

Ну вот как я познакомился с очень симпатичной семьей, живущей этажом ниже? Очень просто – у меня протекла ванна. Я спускался к соседям понятно в каком настроении. Но соседи тоже волновались и поставили передо мной виски с орешками, и в результате мы долго извинялись друг перед другом за несовершенство сантехники 1930-х.

Но это же должно повезти, труба прохудиться, например.

Вот другое везение – когда на дороге в Париж столкнулись аж четыре машины и моя во главе. Я мог ждать в итоге чего угодно, но в результате мы дождались полиции, заполнили

справки для страховой инспекции, и ни один из потерявших вечер не стал бить меня, по доброй русской традиции, бейсбольной битой по голове.

На этой несчастной дороге мне встретились три человека: седовласый представитель старой Франции, финансист, управляющий чужими деньгами; молодой парень с итальянской фамилией из министерства сельского хозяйства; арабский юноша из Лилля. Последний крепко пожал мне руку на прощание и сказал: «Так было решено, чтобы мы столкнулись, не переживайте».

Теперь вы понимаете, почему я завожу друзей очень осторожно.

Но к счастью, моя работа заставляет оторваться от стула и гонит к людям. Про одних я должен писать, с другими – встречаться и делать интервью, с третьими – работать вместе. В итоге у меня создалась неплохая коллекция парижан. Точнее, людей, живущих вместе со мной в Париже. Тут и политики, и актеры, и художники, и просто модные ребята и девчата разных лет. Одни мне нравятся, другие не очень, с одними встретился бы снова с удовольствием, с другими нет, спасибо, не надо, только за деньги.

Парижанка в естественной среде обитания

#парижанки #парижскиелюди

О парижанках написано много восторженных слов: «Утром по дороге на работу вы встретите ее – строгую, элегантную и провокативную. Вы узнаете ее по юбке и жакету из дорогой натуральной ткани классического кроя в строгую черно-белую клетку в сочетании с черной шелковой блузкой, как бы невзначай расстегнутой на одну пуговицу ниже, чем это принято».

Утром по дороге на работу я все оглядывался в надежде опознать по жакету. Тщетно! С утра затеялся дождик и подул холодный ветер, и парижанки вокруг, как сговорившись, надели резиновые сапоги, куртки и тулупчики, возможно, и вправду расстегнутые на одну пуговицу ниже, чем это принято.

Со временем я понял, что так восторженно парижанок описываем только мы, русские, убежденные в том, что за счастье родиться женщиной в Париже надо побороться.

Парижанки так не думают. Они с рождения парижанки, и, что бы они с собой ни делали, они не станут провинциал-

ками. Если вы возьмете, например, книгу Инес де ля Фресанж, которая так и называется – «*La Parisienne*» («Парижанка»), вы прочтете там совсем другое описание гардероба: «Стиль парижанки – это – почти – просто. Мужской пиджак, тренч, голубой свитер, жилетка, маленькое черное платье, джинсы и кожаная куртка. Далее – вопрос сочетания».

Итого семь вещей для всяческих сочетаний. Каждой хватит как минимум на год. Что парижанке после этого делать в магазинах?

Моя первая квартира была расположена на улице Камбон, шагах в двадцати от бывшей квартиры Коко Шанель, где теперь проживают вещи ее имени. Пересекает Камбон улица Сен-Оноре – настоящее ожерелье парижского люкса, на которое нанизана Вандомская площадь с ее ювелирами. Именно здесь, вероятно, парижанки должны роиться стаями, привлеченные ароматами парфюма и блеском драгоценностей.

Однажды я отправился в одну из славных ювелирных лавок по соседству. Не то чтобы мне с утра захотелось бриллиантов, но бывают в жизни мужчины такие даты и моменты, когда ювелирную лавку не объедешь даже на кривой козе.

Каково же было мое удивление, когда ни одной француженки – ни за прилавком, ни перед – в магазине не оказалось. Беседа шла исключительно на непонятном мне языке – и этот язык не был европейским. Девушки в любой момент готовы были перейти на английский. Но не на французский, для этого из подсобки позвали даму постарше, которая учи-

ла, наверно, язык еще в Пекинской разведшколе. Она согласилась со мной поговорить, хотя я явно не входил в список предпочтительных клиентов. Да, были у нас русские, сказала она, до сих пор заходят, но куда меньше, были арабы, но они исчезли. «А парижанки?» – взволновался я. «Парижанки? Как не быть – вот месяца два назад заглянула одна».

Продавщицы, щебетавшие между собой и с покупательницами, были красотками, я сразу вспомнил моего папу, воевавшего в Манчжурии, который говорил мне, что нет женщин прекраснее китайнок. Они не стеснялись с каблуками и косметикой, и их черные шелковые блузки при малейшем движении как бы невзначай раскрывались на несколько пуговиц сразу. В этом они напомнили мне русских женщин, безошибочно узнаваемых на парижских тротуарах.

Хватит нам семи вещей? Да никогда! У нас свой козырь – мы вечно «а ля гер ком а ля гер» и даже в булочную оденемся как в оперу. В этом мы не парижанки – которые легко оденутся в оперу как в булочную. Ювелирные украшения – это для нас, часы – для нас, сумки с плетением монограмм – тоже для нас. Парижанки смотрят на нас с завистью и сомнением, вот они, новые варвары, пришельцы с Востока, которые покупают все, на чем написано «француженка». Они, конечно, видят в этом нашу слабость, которую надеются использовать, пока такая возможность сохраняется. На самом же деле в этом – наша сила.

Когда я спросил одного из главных людей во французском

люксе, какое место занимают в его личной классификации русские покупатели, он ответил, что китайцы, конечно, их основная надежда, китайцев много, и денег они приносят немерено. Но в охоте за очень дорогими штучными вещами русские – главные. Мы жадно впитываем парижскую моду и глазами, и всем телом. Мы любим ее не только умом, но и деньгами, что, согласитесь, куда ответственнее.

Другое отличие в том, что парижанки не помешаны так, как мы, на идее здорового питания. Они помешаны на идее хорошего, вкусного, и в этом совершенно правы. Им нечего делать в магазинах, где торгуют диетой и указывают путь к себе. В пекарню же или в мясную лавку стоят женщины аппетитные, как французские булочки (и такие же стройные), кровь с молоком (предельно недиетическое сочетание). На них приятно посмотреть.

Они это, думаю, понимают. Парижанки вообще умеют посмотреть на себя со стороны мужскими глазами и, как правило, не ошибаются в нашей оценке. Они отлично знают, с какой стороны особенно хороши, а с какой неплохо бы и подтянуться. Но не подтягиваются, и я их за это не просто уважаю, а искренне люблю. У меня плоский зад, скажет француженка, зато длинные ноги, так пусть же все о них узнают. Что у меня хорошо – то у меня хорошо, добавит она, а об остальном – забудем.

Французские женщины реже ложатся под нож ради лица и тела и не боятся морщин, потому что морщины всяко кра-

сивее начищенного пятака. Если они едут в разные очистительные клиники и спа, то не для того, чтобы провести отныне всю жизнь с клизмой на знамени – они едут немножко промыться и обсушиться, чтобы и дальше ни в чем себе не отказывать. И даже если они толстеют – а ведь они толстеют, как все европейцы вслед за американцами (есть что-то недетическое в нынешнем плотоядном мире), – они не воспринимают это как повод для суицида.

Да, конечно, мы мало знаем парижских женщин в их естественной, домашней среде обитания. Для нас они все-таки скорее эстетический феномен. И даже больше чем феномен, они – торговый бренд. Чтобы выглядеть как парижанки, наши подруги готовы на многое. Как и во всяком великом бренде, есть здесь и лукавство, и нахальство, и накрутка цены, тем не менее есть и очевидная правда в основе. Но из того, что это бренд, следует и то, что подделки преследуются по закону – чтобы стать француженкой, лучше бы сначала ею родиться.

Французские женщины остаются последней нашей надеждой: они пьют – и не дистиллированную воду, они едят – и не кашу на пару, они интересуются мужчинами, но не охотятся на них. Парижанки нас не разочаровали, в них вся наша надежда, в них разрешение делать все, что нам самим нельзя, но ведь хочется.

Задница в штанах

#лудуайон #парижскиелюди

Я иду встречаться с Лу Дуайон. Это модель. Модель для подражания. Актриса, манекенщица, художница, дизайнер, певица. Только не говорите мне, что таких девиц сейчас полно: немножко то, немножко другое, а значит, ни то и ни се. Лу Дуайон – она, знаете ли, не такая. Она и то и се.

– С сестрами у меня прекрасные отношения, – говорит Лу Дуайон, – у меня их много, и Шарлотт, и Кейт, и Лола, и Лили. Настоящая девчачья банда.

Банда сестер от разных отцов и матерей.

Лу Дуайон – дочь Джейн Биркин и Жака Дуайона. Старшие сестры – фотограф Кейт, дочь их общей с Лу мамы от композитора Джона Барри (помните музыку в первых кадрах «Джеймса Бонда»?), и Шарлотта – от знаменитого хулигана французского рока Сержа Генсбура. Третья старшая сестра, Лола – первая дочь папы (от монтажерки Ноэль Буассон). Наконец, младшая – Лили, рожденная уже после того, как Биркин и Дуайон расстались. В Средние века так считали принцесс крови, в нынешние – родословные парижской богемы. Большущая, в духе бунтарских 1960-х, семья, где на

один брак два развода и никто не считает, кто от какой матери и от какого отца.

– У мамы нет любимиц, – говорит Лу, – но с каждой у нее – особые отношения. Я ей рассказывала все. Почти все – есть все-таки вещи, которыми ты ни с кем не можешь поделиться. И она от меня ничего не скрывает. Я подарила ей «блэкберри», и теперь я получаю сто сообщений в день, у меня ощущение, что я радистка. Как слышите меня? Прием.

Папа-Дуайон – типичный режиссер французского кино, настоящий деятель культуры с философским факультетом в анамнезе, из протестантской семьи, с собственным мнением по любому поводу. Однажды, включив телевизор, он попал на сериал с Лу Дуайон. «Наутро он прислал мне факс. Четыре страницы: кое-что понравилось, но есть и недостатки, такие, такие и еще вот такие. Такой вот он у меня зануда. Когда я посылала ему в детстве открытки, он исправлял в них грамматические ошибки».

В школе у Лу были прекрасные шелковистые волосы. Все пели хором: «Какие прекрасные у вашей девочки волосы», и так продолжалось до тех пор, пока однажды папа не взял ножницы и не срезал их со словами: «Пусть же они теперь увидят, какое у тебя красивое лицо!» В нем бурлил педагогический талант.

Лу Дуайон сыграла у него молодую бунтарку в *Trop (peu) d'amour* («Слишком (мало) любви»). Она и в жизни была такая, заплетала дреды, носила гвоздик в языке и шлепала бо-

сиком по улицам, чтобы досадить буржуазному кварталу, в котором жила. Она готова была на горе всем буржуям сжечь свою жизнь с двух концов, как ее любимый крестный и бывший муж ее мамы Серж Генсбур. Пока вдруг не сообразила, что ее мятеж великолепно вписывается в систему буржуазных ценностей, где полагается ходить босиком и курить косячки в клубах, прежде чем надеть меховое мантио и выгуливать детей на газонах эспланады Дома инвалидов.

В 14 лет мама подарила ей собаку. Когда ее сверстницы сходили с ума в дискотеках, она должна была приходить домой – «каждый вечер, чтобы с ней погулять». Лучше иметь кого-то, за кого отвечаешь, чем не иметь, считает Дуайон. «С 14 лет до 19 я работала, а в 19 родился сын. Я не знала той свободы, которая есть у всех двадцатилетних. Я не жалею об этом, но это так».

Ночи она проводит дома, а не ездит с кем-нибудь по клубам: «Не вижу кандидата. Я очень разочарована в моем поколении. Да и времени нет». В конце концов, если 85 процентов молодых людей ее возраста сутки напролет как подорванные скачут по клубам, почему бы, всем наперекор, не посидеть дома с ребенком?

Парижанки знамениты своим умением экономить на распродажах. Лу Дуайон здесь пасует, ее покупки всегда импульсивны. Увидеть витрину из окна автобуса – стоп машина, я хочу это платье немедленно! В общем, вожатый удивился, трамвай остановился. Но с модой Лу не спорит. И не по-

нимает людей, которые моду презирают. Папина дочка, она защищает не идею роскоши как таковой, а идею человеческой коммуникации: «Ваша одежда – это первое, что вы говорите о себе незнакомым людям. Как иначе вы определите при первой встрече идиота без чувства вкуса, от которого надо держаться подальше?»

Однажды она даже сделала для британской марки целую джинсовую коллекцию. Во-первых, она дочь джинсового поколения и помнит, как к родителям приходили гости и она играла под столом, глядя на тридцать пар джинсовых ног. Во-вторых, не зря же она любила кино и профессионально училась рисунку. Она вспомнила двух британских комиков, два бессмертных образа, знакомых всем: трогательное щегольство чаплинских обносков в «Малыше» и «Огнях большого города» и нахальный прикид Джека Даукинса по имени Артфул Доджер из «Оливера Твиста».

Она предложила особый стиль – узкие, как будто бы немного с чужого плеча, но очень породистые вещи. Джинсы она натянула выше пояса, чтобы они больше не висели на бедрах. Рубашки она выпустила из рукавов жакетов и подняла воротник на шею: «Старалась, чтобы было секси. А что самое важное у женщин – если уж ниже пояса, – длинные ноги и круглая попа. Все остальное – приложится».

У нее вполне мужской взгляд – быть может, весьма плодотворный подход к женской моде: «Мне писали письма: в ваших джинсах у меня такая красивая задница! Спасибо вам,

спасибо за это! Девушки на самом деле более внимательны к своей заднице, чем мужчины».

Недаром, выйдя голой грудью вперед на обложку «Плейбоя», она получила больше восхищенных отзывов от своих подружек, чем от своих приятелей. Лу Дуайон не боится раздеваться на площадке. Она считает, объективно говоря, что ее тело не очень-то сексуально: «Мне, может, хотелось бы иметь более крутые груди и ягодицы». С некоторой даже завистью она говорит о своих подружках, которые просто не рискуют раздеваться перед камерой, потому что никто не знает, чем это может кончиться. Катастрофой! Сексуальность из них так и пышет сквозь все платья.

– Я не стесняюсь своего тела, в конце концов, это всего лишь мое наследство, его дали мне папа с мамой. И вообще, это мой инструмент для работы – вы ведь не стесняетесь своего диктофона. Но внутри него есть эмоции, которые я берегу от чужих взглядов больше, чем само тело. В этом смысле я очень и очень *old fashion*. Когда я влюблена, я могу ждать полгода, чтобы лечь в постель с этим человеком, и я скорее умру, чем сделаю это при свете. Мне наплевать на сто бездельников на площадке, которые на меня глазеют, – на здоровье, но перед ним одним я никогда не могу раздеться так же легко, как на пляже.

С видами на квартиру

#парижскийадрес

Мой первый год льстил моему самолюбию. Как вы помните, я поселился сначала в дивном месте – на улице Камбон, напротив польской церкви, что в центральном 1-м округе. Центрее некуда. Центральнее были бы только острова Ситэ и Сен-Луи посреди Сены (кстати, 4-й округ), но там живут только богатейшие снобы, которые всецело пребывают в плену островного сознания и свои острова считают экстерриториальными. Когда им надо перейти мост, они говорят жене: «Дорогая, я в Париж».

У меня был не просто адрес, а, как говорится, *The Adresse*. Когда я сообщал его знакомым французам, они поднимали брови и говорили что-то вроде «да, Камбон, о, Камбон». И вспоминали Коко Шанель, она жила здесь, деля время между своей квартирой и номером в отеле «Ритц». Который своим не слишком красивым задом выходил на мою улицу.

Подразумевалось, что я большой сноб и любитель роскоши, раз не могу квартировать, как нормальные понаехавшие, в развеселом 18-м округе, а вот только в 1-м – у ограды Тюильри, в двух шагах от Лувра. И что квартиру эту я искал и

выбирал исключительно ради адреса на визитной карточке.

Я никого не хочу разочаровывать. Лучше считаться пройдохой, чем дураком. В таких случаях я покорно соглашался и говорил, что Мадемуазель Коко – моя старая подруга, что Тюильри навевает на меня поэтическое настроение и что я должен ходить в Лувр не реже, чем я хожу в душ, потому что это меня делает чище. Но вам я признаюсь. На самом деле квартиру на Камбон я выбрал методом исключения. Она была мила, но не во всем удобна и уж совсем недешева – просто все другие были заведомо хуже.

В мыслях моих рисовались высокие окна с французскими балконами, виды на Эйфелеву башню и эспланаду Дома инвалидов. И непременно в старом доме. Уже из этого ясно, что, приехав в Париже жить, я оставался натуральным туристом. Риелторы мгновенно понимали, с кем они имеют дело – и не только по акценту. Серьезный француз искал бы квартиру в новом доме с горячей водой, которую не надо греть за отдельные деньги, с гаражом, который не надо специально искать, и с подвалом, который, как говорится в объявлениях о сдаче квартир, «дополняет это сокровище».

Удивительно, но цена зависит не только от парадных помещений, но и от подвала – этой темной норы, маленькой подземной комнатенки. Подвал, он же «кав» – один из главных элементов парижского жилья. Здесь можно хранить всю ту полезную дрянь, которую в Москве держали на балконах и лоджиях. «Кав» бывает мощным и забетонированным, как

бункер Атлантического вала (тогда в нем можно встретить все что угодно, даже студию звукозаписи), а бывает с утоп-
таным полом, как в партизанской землянке, и в нем можно
встретить кого угодно – даже мудрую домовую крысу.

В старых домах к квартире, кроме «кава», прилагались
еще и *chambre de bonne*, комнаты прислуги под крышей. Но
теперь из этих комнаток прислуги делают парижские студии
и продают их жадным до экзотики иностранцам, предполага-
ющим, что там жил какой-нибудь непризнанный гений, про-
клятый художник, поэт-гашишист, а не богобоязненная пор-
тугальская нянька.

Еще в квартирах страшно ценится вид из окна. Не то что-
бы на Лувр, а хотя бы просто на белый свет. Это называется
«вю дегажé» – открытый вид, и что за «вю» там бы ни
открывался – хоть на набережную Сены, хоть на крышу су-
пермаркета, главное, что он «дегажé», освобожденный. Это
означает, что в комнате у вас будет дневной свет, а не отсвет
люстры соседей напротив. А может повезти настолько, что
в квартире окажется хотя бы маленький, но балкончик. Это
уже роскошь. Балкончики как раз ухожены, и на них непре-
менно втиснут столик с двумя стульями. Они заменяют тер-
расу, кафе, здесь можно сидеть и болтать. И главное, невоз-
бранно курить. Но попробуй такое найди и сними.

Каждый раз, когда я искал квартиру, мне был нужен са-
мый сложный вариант из возможных – квартира на одного и
в центре. При таких запросах вас воспринимают либо в ка-

честве несчастного рядового солдата мирового люкса с Вандомской площади, готового на любой самый убогий пенал, лишь бы сэкономить время на поездках из пригорода, либо в качестве богатого бездельника, приехавшего в Париж пошвыряться деньгами.

Горько говорить, но хозяина и жильца здесь разделяет страшное взаимное недоверие. Казалось бы, цель у нас общая, его задача – квартиру сдать, моя задача – квартиру снять, и ничто не мешает нам на этой почве объединить усилия. На самом деле законы трактуются в мою пользу до такой степени – здесь они все в пользу неимущих, – что квартирные хозяева, опасаясь участи зайца из лубяной избушки, всячески пытаются от меня застраховаться.

То есть законы все за меня – и все они против меня, потому что жилье мне не сдают.

На просмотры квартир здесь принято ходить с подробнейшим досье, наполненным справками и копиями документов с младенческого возраста. Эти документы передаются хозяину, который делает свой выбор, руководствуясь иногда разумом, но, по многочисленным отказам судя, иногда и чувствами.

Мало того что мне не сдадут квартиру, цена которой превышает треть моей зарплаты, они еще могут попросить, например, заморозить на моем банковском счету сумму годовой или полугодовой аренды. Или потребовать поручительство какого-нибудь достойного члена общества, готового, в

случае моих затруднений, прийти на помощь. Нет, не мне – хозяину.

Притом что зарплата в шесть тысяч евро считается огромной, трудно понять, как парижане оплачивают свои квартиры без помощи всемирного банка.

Но в конечном итоге это повод для гордости. Я – столп парижской экономики. На мне зиждется общество. Мне предстоит компенсировать низкие зарплаты и социальную уравниловку, потому что настоящий француз на зарплату не живет. Он живет на ренту, на доходы с того, что прабабушка оставляла бабушке, на сдачу своих квартир и охотничьих угодий. Добыча в этих угодьях – я. Поэтому меня надо пощупать, нагулял ли я достаточный жирок и покрылся ли пухом, чтобы меня общипать.

Мне предлагали и тихий нуворишский 16-й округ, и староденежный 7-й, но эти предложения я не мог принять всерьез. Либо это были старые клоповники (о таких в московских объявлениях деликатно пишут «требуется ремонт»), либо квартиры были изукрашены для сдачи сумасшедшим дизайнером, любителем красных кухонных шкафов и ультрамариновой плитки в сортирах. Но даже если квартира сохранилась в неприкосновенности после двух мировых войн, студенческих бунтов и атаки смелого колориста, она бывала пропитана какой-то ужасной тоской, копившейся здесь долгие годы.

Я помню квартиру в 7-м округе. Всем бы хороша. Но она

находилась на шестом этаже, и я лез к ней по крутой лестнице, а риелторша, упираясь мне в спину, приговаривала, что вместе с договором аренды я обязательно получу и ключ к лифту, потому что многие на этой лестничной клетке за лифт не платят, вот и ходят ногами. Я, честно сказать, не хотел таких соседей, жадных и одновременно выносливых.

Не хотел я и в новый дом окнами на улицу. В Париже я искал недемократичные стены и ворота, за которыми скрываются частные садики, потому что в демократичном и сложно устроенном пространстве первого этажа современного дома на соседней улице происходит постоянная беда.

У французов, как мы помним, счет этажей начинается со второго, а первый у них – *ре-де-шоссе (rez-de-chaussée)*. И это правда не дом и не этаж, а часто какое-то проходное *chaussée*, где свинячат ночные прохожие или то и дело селящиеся здесь алкоголики. Последних здесь деликатно называют *SDF (sans domicile fixe)*, что звучит, конечно, приятнее нашего «бомж», хотя означает ровно то же самое. Вот поэтому-то я и предпочел квартиру на собственной дворовой лестнице на втором, то есть, по французскому исчислению, первом этаже.

Старина антиквар

#парижскийадрес

В моем дворе жил французский стилист, который шил платья, а может, продавал то, что сшили другие. Я мог наблюдать из окна, как он сидел за столом и смотрел в пространство поверх висевших на вешалке одежд. За все время, что я там жил, к нему никто не пришел прибарахлиться, но, видимо, это был мощный талант, настоящий художник.

Этажом выше жил английский живописец, который мечтал когда-нибудь прославиться на континенте. Вечером он сидел у окна, что над моим, и покуривал травку в ожидании славы. Работал он редко, выпивал часто, словом, был типичным деятелем культуры из моего детства. Разве что не скандалил, не водил девчонок и не жаловался всем вокруг, что заел Союз художников и что его шедевры зарубил худсовет.

Полдома занимала гостиница, и окна, выходившие в наш двор, иногда открывались. Тогда я видел счастливых приезжих, которые смотрели во все глаза на настоящий аутентичный парижский дворик с настоящими чудаковатыми парижанами (я, русский, да англичанин-живописец).

За интерьер двора отвечал местный антиквар. Выставив

во двор столик со стульями, он посиживал за ним с бутылочкой шампанского и доверенными клиентками. Уговорив клиенток и проведив шампанское, он брался за художественные поиски.

Я с упоением наблюдал, как на маленьком верстачке под деревцем он изготавливал антиквариат.

Его рецепт был прост – берется относительно новая вещь, простая как табуретка, да хоть та же табуретка, немного царапается, возится по земле, а затем покрывается несколькими слоями грубой краски или морилки. Предмет становился почтенным, пожившим, выдавшим виды. Я смотрел на это раскрыв рот: на моих глазах вещь без истории обретала историю – и удивительным образом с каждым новым годовым слоем становилась не дешевле, а дороже.

Среди вещей на витрине антиквара были, впрочем, и действительно старые предметы. Возможно, над ними поколдовали антиквары предыдущих поколений. И все эти предметы мой сосед любил как родных, передвигал их за стеклом, а иногда разглядывал их часами, выставив, как молчаливых собеседников, на стол или лавку.

С вещами у нас в стране был разговор короткий, с людьми тоже. Во Франции жили так же бурно, как и мы, но были умнее, и на чердаках и в подвалах сохранили невероятное количество милого барахла, которое с момента своего рождения уже несколько раз сменило хозяев. Не о коллекционных экземплярах, блистающих на аукционах, идет речь, а

о нормальном «среднем слое» старых вещей, само присутствие которых в квартире говорит о том, что ее хозяйева не вчера на свет родились и не на улице себя нашли.

У этих старых вещей есть одно важное качество. Они человечны. Они окружали нас в те времена, когда мы могли надеяться только на себя и оттого себе доверяли. Они были продолжением нашей руки и использовали только нашу, одну, человеческую силу, а не взывали к электрическим ресурсам из розетки. Драгунской саблей до сих пор можно кого-нибудь зарубить, мельницей с ручкой и сейчас можно смолоть зерна в недоступный современным кофемолкам порошок, а вот старые мобильные телефоны не годятся даже в виде молотка.

Меж тем старье выполняет роль камертона – так иконы висели когда-то в домах советских атеистов. Это единственная для нас возможность коммуницировать с прошлым ежедневно, не отправляясь в музеи. Там – сплошное «руками не трогать». Здесь – вся история в наших руках. Эти вещи объясняют нам, что жизнь не исчезнет вместе с нами и что от нас тоже останется какая-то память. Даже если она вчера сделана у меня под окнами.

Адель после «Адели»

#адельэкзаркопулос #парижскиелюди́

В день встречи с Адель Экзаркопулос я понял, почему люди, работающие с актерами, называются агентами. Агентурная сторона была проработана до мелочей. «Адель вышла», – доложили мне. В ответ я отрапортовал, что занял наблюдательный пост в кафе *Arts et Métiers*, и получил следующую депешу: «Адель будет через пять минут. Займите место на террасе. Надеюсь, вы ее узнаете?»

Да как же я ее не узнаю! Красавица гречанка, наивная и сексуальная в одно и то же время. Она же занималась передо мной любовью с Леа Сейду, азартно поедала спагетти и давилась устрицами в гостях, считайте, вся ее жизнь прошла у меня на глазах в «Жизни Адель» Абделатифа Кешиша. Сейчас придет. Дохнет духами и туманами.

– Это вы Алексей? – спрашивает меня юная пухлая девочка в тяжелых мартинсах и безразмерном военном бушлате с нашивкой бундесвера на рукаве.

– Ой! Это вы, Адель?

Это она – «надежда французского кино» (согласно «Сезарам» и «Люмьерам»), она – новая Роми Шнайдер (на то

и премия Роми Шнайдер). Это в ее честь переименовали фильм и главную героиню, которая вообще-то была в комиксе «Синий – самый теплый цвет» Клементиной. Там крутят любовь две девочки, одна утонченная, другая утолщенная, одна возвышенная, другая приземленная, одна с голубыми волосами, другая со своими собственными. Художницу с голубыми волосами играла Леа Сейду, а Адели Экзаркопулос достался характер простой, народный.

Режиссер Абделатиф Кешиш, хитрец, умница, провокатор, собрал кастинг как для синема-верите. Леа – из богатейшей семьи главнейших кинематографистов Франции, где все таланты и поэты. Адель – дочь гитариста, работающего в ресторане, и аптекарши. С тех самых пор она не просто мадам Экзаркопулос, а Адель из «Жизни Адель». Это ей не надоело?

– Я смирилась. Иногда неприятно, особенно когда пытаешься рассказать в интервью о новой роли, которая в этот момент куда больше занимает. Понимаю, что «Жизнь Адель» повлияла на людей и на меня тоже. Но все, что можно по этому поводу сказать, там и сказано – три часа о воспитании чувств. Что недоговорено, что объяснять?

Когда я спрашиваю ее, что самое противное в кино, она отвечает: «Эгоцентризм людей, которые там работают. Эгоизм, желание покрасоваться за счет других. А еще – замечательные фильмы, которые невозможно снять, потому что не хватает денег, и чушь, на которую деньги находятся сами.

Несправедливо все устроено».

Актерствовать в жизни она страшно не любит, хотя опыта ей не занимать. Когда после успеха в «Жизни Адель» о ней заговорили как о «молодой актрисе», «открытии Кешиша» и так далее, мало кто заметил, что фильмов в ее биографии больше, чем у режиссера. А играет она и вовсе с десяти лет.

Родители, решив, что она уж слишком застенчива, отдали ее в театральный кружок. Явно не представляя, что тем самым определяют ее судьбу. В любительской студии ее увидела дама, подбиравшая актеров, и вытащила на пробы. «Меня тогда не взяли, хотя я была второй, – говорит Адель, – но я ничуть не расстроилась. Зато съемку увидели другие агенты, и меня начали приглашать на роли, сначала в телевизионные сериалы, потом в кино».

В «Безумно» Пьера Годо она сыграла преступницу, известную всей Франции как Эмма С., участницу «банды варваров», похитившей и замучившей молодого парня. Девушка-приманка, получив восемь лет и пережив две попытки самоубийства, влюбила в себя начальника тюрьмы. Когда дело вскрылось, его посадили. Нечто вроде нашего «Тюремного романса» с Мариной Неёловой, разве что у нас уголовником был мужчина – Александр Абдулов.

В жизни Адель этот фильм значит теперь не меньше, чем синий цвет. В самой большой и перенаселенной тюрьме Франции – парижской «Флери-Мерожи» – она встретила не убийц, а людей: «Если бы я не снималась в кино, я хотела бы

работать в тюрьме. Я все время думаю о людях, которые там, во тьме, забытые всеми».

— Думаете, вы им нужны?

— Персонально я? Может, и нет, но им нужны собеседники. Всем нужны собеседники. Мы вели там кружки по актерской импровизации. Ты приходишь, даешь сюжеты и играешь. У женщин там нет актерских амбиций.

Самая влиятельная молодая женщина мира, по версии журнала *Forbes*, роется во внутренних карманах бушлата в поисках новой пачки сигарет. Не найдя, разжигается папироской у парней за соседним столиком.

Мы заговариваем о моде, и Адель хриплым голосом курящей старшеклассницы настаивает, что любит вещи самые простые и не гоняется за брендами. Она знает свое тело и, как и всякая красавица, особенно хорошо знает его недостатки: «У меня слишком большие руки и рельефная попа, я не влезу в наряды моделей. Их, наверное, выбирают так, чтобы, кроме платья, ничего интересного не было видно».

Адель рассказывает, что родители до сих пор вместе (есть чем гордиться, когда все кругом в разводе), у нее двое младших братьев. «Они любят приходить к мне, потому что у меня — свобода. Я стараюсь участвовать в их воспитании, но не мучать нравоучениями, а просто рассказывать, какова жизнь на самом деле».

— Не как в кино?

— Роберт Де Ниро говорил, что в кино живешь чужой жиз-

нюю, но без чужого дерьма. И тут я согласна. Кино учит быть внимательнее: выйдешь с площадки, посмотришь вокруг – и все кругом кино».

Она недавно снялась в фильме «Вернуться», где ее героиня, похоронив мужа, одна воспитывает сына: «Я не думаю, что необходимо самой иметь детей, чтобы играть такие роли. Но, кажется, не зря судьба привела мне эту героиню, когда я стала матерью, когда жизнь изменилась».

Вот интересно, что берет она от своих героинь и есть ли такая женщина, которую она нипочем не согласилась бы сыграть?

– Когда ты молодая, есть вещи, которые ты себе обещаешь никогда не делать. Смотришь на взрослых: «Ну как они так могли, я никогда так не буду, никогда в такое не вляпаюсь» – и потом с удивлением обнаруживаешь себя в таком же положении. Есть женщины, которыми бы я ни за что не хотела бы стать в жизни. Это одно. Кино – другое. Я становилась в нем очень разными людьми. Чему я научилась, мне кажется, это никого не судить, или судить, но не осуждать. Я многое узнала о себе самой, причем открытия приходят, бывает, через несколько месяцев, а то и лет после съемок.

– То есть ваши персонажи возвращаются к вам и говорят: «Адель, а помнишь?»

– Да, бывает, я вспоминаю, что у моей героини случилось что-то похожее. И думаю: вот теперь я ее лучше понимаю, чем тогда. Может, это связано с тем, что я и взрослою через

свои роли. Каждая оставляла след на коже, как татуировка.

У Адель под левой грудью написано «*Pentru tine, de o mie de ori mai mult*», что означает на румынском «Для тебя в тысячу раз больше».

– Я сделала ее в шестнадцать лет. Это из книги «Бегущий за ветром» Халеда Хоссейни о дружбе двух мальчиков. Это способ сказать: «Я тебя люблю». А на спине у меня выколоты кинжал и перчатка, знаки верности, в которую я верю. И третья татуировка – на арабском на моем запястье, «Мой ангел» – это для моей туниской кузины. Все мои тату сделаны в путешествиях. Ошибки молодости? Нет, это рассказ о том, что я пережила, и какая разница, где он записан, в памяти или на теле.

Журналисты числят ее в десятке главных модниц страны, она носит на съемках кольцо *Bulgari* и сумки *Louis Vuitton*, но это тоже игра Адель, а не ее жизнь. Когда мы встречались с ней в предыдущий раз, обладательница Золотой пальмовой ветви снимала однушку пополам с двоюродной сестрой. «Прекрасные денечки, мы до сих пор близки, хотя нелегко выносить кого-то, когда ты год спишь с ним не только под одной крышей, но на одной кровати. Нам было так весело, я всегда улыбаюсь, когда это вспоминаю».

Ну а как же инстаграм, для которого она снимается в треске и блеске, как и положено героине социальных сетей? «Я люблю это занятие и уважаю моих подписчиков, но, как говорится, “ничего личного”. Моя семья – она моя, я не готова

ей ни с кем делиться. Я просто не выдержу, если кто-нибудь соберется обсуждать тех, кого я люблю, потому что инстаграм – это проходной двор, где полно скучающих и злых людей. Там никогда не будет фото моего сына Исмаила, потому что дебильный комментарий со ста пятьюдесятью ошибками причинит мне боль. Я умею себя помучить, но уж лучше не так».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.